

больше поставленной перед ними задачи. Изданный труд важен для историков, археологов, лингвистов и ученых других специальностей, занимающихся историей русского народа и его культуры.

Работа имеет несомненное практическое значение. В наше время наряду с быстрым исчезновением старых бытовых форм некоторые элементы национальной культуры (расцветка и орнаментика тканей, отдельные детали жилища, одежды и утвари) в несколько видоизмененном виде продолжают бытовать в новых социально-экономических условиях. Народы нашей страны, строя культуру, социалистическую по содержанию и национальную по форме, заимствуют от старого быта все ценное, что создано в течение длительного исторического развития. Отсюда важность изучения национальной культуры для архитекторов, работников легкой промышленности и всех других, кто своим трудом стремится полнее удовлетворять растущие материальные и духовные потребности многонационального советского народа.

Желательно издание работ, характеризующих культуру и быт русского населения других районов Советского Союза.

Е. Бусыгин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Джузеппе Коккьяра. *История фольклористики в Европе*. Перевод с итальянского. М., 1960, 690 стр.

Появление этой книги, надо надеяться, составит некоторое событие в нашей фольклористике. Книга важна не только тем, что содержит большой фактический материал. Она показывает значительность фольклористики как науки. Коккьяра понимает фольклористику исторически. Ее основная проблема — проблема народности не одного народа, а всего человечества, объединяемого общностью своих лучших устремлений. Коккьяра знает, что «история делается не только и не столько угнетателями, сколько угнетаемыми. История — это их жизнь и их душа» (стр. 20). Задачу фольклористики он ставит очень широко: «Изучение фольклора выходило всегда за духовные и культурные границы одного народа, приводило к более широким обобщениям, к установлению связей между народами». Это не противоречит патриотическим устремлениям каждого народа в отдельности: «Пусть народы живут в согласии, прислушиваясь к своим голосам, в которых одновременно звучит и голос всего человечества». «Это приведет к сохранению самого сокровенного достоинства каждого народа, каждой нации, ибо стимулируется патриотическими чувствами. Это — не словесная декларация. Вполне закономерно, что после книги, посвященной истории фольклористики в Италии («Storia degli studi delle tradizioni popolari in Italia», Palermo, 1947), Коккьяра должен был написать книгу по истории фольклористики в Европе («Storia del folklore in Europa», Torino, 1952).

Труд Коккьяры отнюдь не является справочником и не может служить им. Хотя фактический материал очень велик, охвачено далеко не все; автор к этому не стремился, да это было бы и невозможно. К каждой главе даны им примечания библиографического характера, которые позволяют любому читателю, если бы он этого захотел, самостоятельно расширить круг своих наблюдений. В этих примечаниях с большим знанием дела отобрано для каждого раздела все самое ценное и нужное — от крупных монографий до мелких статей на многих языках Европы. Русские труды даны в переводах. Книга имеет введение, разделена на шесть частей и состоит из тридцати глав. В введении дается общее определение задач фольклористики, а в последующем изложении эти задачи конкретизируются. Угнетенные люди для Коккьяры — это и обитатели колоний, и эксплуатируемые классы метрополий. Соответственно, историю фольклористики он начинает не с XVIII в., как обычно, а с открытия Америки. Изложение фольклористических учений дается в рамках основных течений общественной мысли. Первая часть кончается Монтеスキе и Вольтером, вторая названа «Между просвещением и преромантизмом», третья в основном посвящена романтизму, четвертая — позитивизму; несколько иначе материал рассматривается в пятой части, которая посвящена английской антропологической школе. Заключительная глава носит название «Фольклористика за последние полвека». В эту схему уложена вся европейская наука, включая русскую. В пределах ее читатель найдет много увлекательных страниц. Укажем, например, на блестяще написанные характеристики Бенфея, Гастона Париса, Бедье, Питре, Мангардта, Ван-Геннепа и многих других. Коккьяру интересуют не только их академические труды, но и тип каждого ученого, образ его мышления. Особенной убедительности автор достигает тогда, когда рисует преемственность взглядов, рождение и развитие школы. В этом отношении особенно удачными можно назвать главы XVII («По стопам Бенфея») и XVIII («В романском мире»).

Надо подчеркнуть, что Коккьяра дорожит русской наукой и понимает ее значение. Его книга завершается разделом, озаглавленным «Призыв Максима Горького» (стр. 561—564) и кратким изложением принципов советской фольклористики по

Ю. М. Соколову. В предисловии к итальянскому переводу книги «Исторические корни волшебной сказки»¹ он с большим сочувствием говорит о литературоведческом изучении фольклора, характерном для СССР, об изучении мастерства исполнителей. Но все это не решает основных проблем, в частности проблемы генезиса и исторического развития. Решать эти проблемы призвана историко-этнографическая фольклористика. Сам Коккьяра в такой же степени этнограф и историк, как и литературовед.

Перевод книги Коккьяры снабжен вступительной статьей Е. М. Мелетинского, под редакцией которого она вышла. Здесь дана подробная характеристика достоинств и недостатков этой книги, и нет необходимости ее повторять. Основной недостаток книги, с нашей точки зрения, заключается в том, что концепция не всегда соответствует фактам. Задача состояла в том, чтобы в международном масштабе привести в систему ряд имен независимо от того, знали ли носители этих имен друг о друге или нет. Задача эта, несомненно, поставлена научно правильно. Но в своем увлечении автор любое совпадение в их взглядах толкует как проявление непосредственной реальной связи между ними. Мы приведем только два-три примера. Коккьяра справедливо очень высоко расценивает Вико и его «Новую науку» (1725), в которой предвосхищены многие мысли, высказанные и развитые позднейшими учеными. Но Коккьяра непосредственно из Вико выводит Руссо, Гердера, Мёзера и других. Он проводит прямую линию от Вико через Дюпон, Крейцера, Гёрреса к братьям Гримм. К Вико возводятся также Макс Мюллер и Ренан. Схематизм становится совершенно очевидным. Леннрот связывается с Макферсоном (стр. 288), несмотря на диаметрально противоположность их тенденций. Об Александре Веселовском говорится так: «У Веселовского увлечения Гердером и братьями Гримм сочетались с интересами к доктрине Мюллера и Бенфея» (стр. 327). Еще хуже о Пушкине, о котором говорится: «Он воспринимал сказки так же, как немецкие романтики — Новалис Тик, Брентано, братья Гримм». Мы однако знаем, что Пушкин понимал сказки совершенно иначе, чем Новалис, и Новалис иначе, чем братья Гримм. С русскими материалами дело обстоит вообще не совсем благополучно, о чем несколько слов скажем ниже.

Перевод книги выполнен, правда, вполне удовлетворительно, если не считать отдельных промахов. Так, итальянское *tradizioni popolari* не означает «традиции». *Tradizioni* — это то, что передается из уст в уста. В узком смысле эти слова означают прозаический фольклор, в широком — фольклор вообще. Итальянский автор, неоднократно повторяя это выражение, для краткости часто опускает слово *popolari*. Переводчики в большинстве случаев переводят «традиции», что неправильно. «*Minnelieder*» переведено как «любовные песни», что неверно, так как это не то же, что «*Liebeslieder*», а понятие более узкое и передается оно обычно словом «миннезанг» (стр. 208).

На стр. 662 говорится, будто А. Дитерих написал книгу «*Eine Mythosliturgie*» и даже дается перевод: «Мифологическая литургия». Это совершенная бессмыслица. Книга называется «*Eine Mithrasliturgie*», т. е. «Литургия Митры».

К этому надо прибавить еще другое. Вопрос о транслитерации иностранных фамилий у нас далеко не решен. В тексте сказывается неприятное для читателей стремление вводить всякие новшества. Вместо обычного Джемс (как всюду у нас принято в фольклористике и лингвистике) дано Джеймс; вместо общепринятого Фрезер или Фрезер дается Фрейзер, руководствуясь, очевидно, английским произношением. Но если следовать этому принципу, надо писать Бейкон (или даже Бейкн) и Шейкспир, однако в книге сохранены и Бэкон, и Шекспир, и другие. Другое новшество состоит в том, что избегают удвоенные согласные, вероятно — под влиянием современной русской орфографии. В книгу введены непривычные написания вроде Мангардт, Ленрот. Если следовать этому принципу, надо будет писать Томас Ман, Русо, Шилер. Последовательности, впрочем, нет, и на одной и той же странице можно встретить неправильное Вакенродер и правильное Ваккенродер (стр. 207, 632). К чему может привести такая претенциозность, видно по тому, что в книге спутаны Гебель и Геббель (см. ниже). К счастью, в большинстве случаев сохраняется обычное написание, но на стр. 157 читаем «Иллиада» вместо «Илиада». Некоторые имена транслитерированы просто неправильно, как, например, Коукс вместо Кокс (Сох). Это слово и фамилия требуют краткого английского «о», как это видно по фонетическим словарям. Вместо Полен (Paulin) Парис пишется Полин Парис.

Наиболее уязвимое место рецензируемого издания — комментарии (составитель Л. Б. Розенберг). Редакция была поставлена перед большими трудностями. Список личных имен охватывает около 700 названий. Ясно, что все их комментировать невозможно. Однако принцип отбора неясен. Нужно ли русскому читателю объяснять, кто были Карамзин, Жуковский или Лютер, Лессинг или Мериме, Золя и т. д. Нужно ли говорить в примечаниях о братьях Гримм, Максe Мюллере, Бенфее, Тайлоре, Гастоне Парисе и многих других, чьи работы подробно разобраны самим автором и дополнительной литература о которых приведена в его примечаниях? В то же время не всякий специалист знает, кто были Ло Гатто, писавший о Пушкине (стр. 281), или Фальман, помогавший Крейцвальду (стр. 289), или Веллер, или Рибенцо (стр. 317) и многие другие. Однако именно в этих случаях комментатор молчит. Трудно объяснить также, почему, например, из имен композиторов, упоминаемых на стр. 374 (Мусоргский, Глин-

¹ V. J. Propp, *Le radici storiche dei racconti di fati*, Tradizione di C. Coïssov, Prefazione di Giuseppe Cocchiara, 1949.

ка, Вагнер, Вебер, Шуман, Шуберт, Беллини, Верди), комментатор избирает только Мусоргского, Беллини и Верди, а о других хранит молчание. То, что характеризует эту страницу, характеризует комментарий в целом.

Еще хуже дело обстоит с объяснениями по существу. Правда, там, где комментатор бесхитростно воспроизводит материал из различных энциклопедий или указывает русские переводы трудов, упоминаемых в тексте, читатель будет ему благодарен. Но наряду с этим имеются совершенно пустые формулировки, ограничивающиеся, например, такими сведениями: «Жуковский — выдающийся русский поэт-романтик» (стр. 645). Встречаются и формулировки вроде следующей: «Несмотря на некритический отбор материала, труд Геродота представляет большой интерес» (стр. 604).

Коккьяра очень осторожен и деликатен в своей критике, всюду предпочитая говорить о реальных достижениях ученых, а не об их ошибках. Этот «недостаток» воспроизводится в комментариях в следующем роде: о братьях Гримм говорится: «Их теоретические построения идеалистичны и пронизаны мистицизмом» (стр. 637), или о Дефо: «В Робинзоне мы видим типичные черты английского буржуа... колонизатора и работорговца» (стр. 607).

Комментарии пестрят опечатками, ошибками и всякого рода ляпсусами в такой степени, что их можно найти почти на любой странице. Мы приведем лишь некоторые из них. На стр. 184 Коккьяра ссылается на Геббеля. Имеется в виду драматург Фридрих Геббель, писавший и о вопросах эстетики. Комментатор путает его с автором идиллий Иоганном-Петером Гебелем, и в комментариях из двух лиц делает одно, никогда не существовавшее: Иоганн-Петер Геббель. Комментатор не различает имени Thompson (крупный американский фольклорист) и носителей фамилии Thomson, каких было несколько (стр. 591 и др.). В списке имен есть только Томсон и нет Томпсона — для комментатора это одно и то же лицо.

Форизль, скончавшийся в 1844 г., якобы выпускал труд в 1954 г. (стр. 679). Много ошибок в иностранных языках и в названиях иностранных трудов. Так, по всей книге идет «Wald- und Feldkülte» вместо «kulte».

Выше говорилось, что Коккьяра недостаточно владеет русскими материалами. Он в основном черпает из английского перевода книги Ю. М. Соколова «Русский фольклор». Как же комментатор относится к этим ошибкам Коккьяры? Частично он их исправляет — как, например, ошибки в определении личности Киры Данилова. В других случаях он их не замечает (когда, например, говорится, что статья о былинах в «Литературной энциклопедии» написана Юрием Соколовым, тогда как она написана его братом Борисом и др.), частично же к ошибкам итальянского автора прибавляет свои собственные. На стр. 644 о Н. А. Львове говорится, что он издал «Сборник русских народных песен с их голосами» (составитель И. Пратч, предисловие Львова), но на титульном листе книги стоит: «собрание», а не «сборник», «народных русских», а не «русских народных» песен; «на музыку положил Иван Прач», а не Пратч. Прач никак не является «составителем» этого сборника, он только гармонизовал напевы, сопровождал их аккомпанементом. Есть ошибки и при ссылках на «Собрание разных песен» Чулкова (на стр. 643).

Дело, однако, не только в неточностях, но и в неправильном комментировании по существу. Выше говорилось, что Коккьяра допускает упрощенное понимание концепции Веселовского. Но комментатор в этом отношении еще превосходит его. Так, на стр. 653 говорится, что Веселовский сперва находился под влиянием школы заимствования, а потом — антропологической школы. В результате «происхождение сказочных мотивов он объяснял самозарождением, а сюжетов, содержащих ряд мотивов, — заимствованием» (!?).

Вопрос о принципах и технике издания зарубежных трудов в соответствии с уровнем советской науки, нашим мировоззрением и нашей культурой — вопрос большой и сложный и требует более тщательной обработки, чем это сделано при издании нужной и важной книги проф. Коккьяры.

В. Пронн

ИНТЕРЕСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ И БЫТА РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ

Kladensko. Život a kultura lidu v průmyslové oblasti. Zpracoval kolektiv pracovníků Ústavu pro etnografii a folkloristiku ČSAV za vedení Olgy Skalníkové, Praha, 1959.

Изучение культуры и быта рабочих, начатое в Чехословакии в начале 50-х годов нашего века, достигло значительных успехов. Чехословацкая наука заняла ведущее положение в разработке этой проблематики. До середины 50-х годов изучение шло в основном по линии собирания и предварительной систематизации материалов. В журналах «Československá etnografie», «Slovenský národopis», «Český lid», «Radostná země»